

Григорьева О.С., студ. гр. 415д ФТКСИ
БГУ культуры и искусств
Научный руководитель – Юрьева И.И.,
преподаватель

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Писатель Ф.М. Достоевский - величайший новатор в области художественной формы - создал полифонический тип мышления. При знакомстве с его богатым наследием создается впечатление, что речь идёт не об одном авторе-художнике, писавшем романы и повести, а о целом ряде философских выступлений нескольких мыслителей: Раскольникова, Мышкина, Ивана Карамазова, Великого Инквизитора и других. Справедливо отмечал эту особенность произведений автора Б.М. Энгельгардт. «Разбираясь в русской критической литературе о произведениях Достоевского, - говорит он, - легко заметить, что, за немногими исключениями, она не подымается над духовным уровнем его любимых героев... Она всё ещё учится у Раскольникова, Карамазова, Великого Инквизитора, запутываясь в тех противоречиях, в которых запутывались они, останавливаясь в недоумении перед не разрешенными ими проблемами и почти-тельно склоняясь перед их сложными и мучительными переживаниями»[4,с.71]. Аналогичное наблюдение сделал Ю. Мейер-Грефе: «Кому когда-нибудь приходила в голову идея – принять участие в одном из многочисленных разговоров «Воспитания чувств»? А с Раскольниковым мы дискутируем, да и не только с ним..»[3, с. 91]. Такой подход критической литературы действительно отвечает основной структурной особенности произведений Достоевского. Фёдор Михайлович создаёт не безгласых рабов, а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать!

Сущность жанра раскрывается во всей своей полноте только в тех разнообразных вариациях его, которые создаются на протяжении исторического развития. Чем полнее доступны художнику эти вариации, тем

богаче и гибче он владеет языком жанра. Например, в творчестве Достоевского глубокий след оставил авантурный роман всех разновидностей. Л. Гроссман писал: «Он прежде всего воспроизводил - единственный раз во всей истории классического русского романа - типичные фабулы авантурной литературы. Традиционные узоры европейского романа приключений послужили... эскизными образцами для построения его интриг»[2, с. 14-19]. Авантурный сюжет сочетается с проблемностью. Он всецело - на службе идее: ставит человека в исключительные положения, раскрывающие и провоцирующие его, сводит, сталкивает с другими при необычных и неожиданных обстоятельствах именно в целях испытания человека - идеи, то есть «человека в человеке». А это позволяет сочетать с авантурой такие, казалось, чуждые ей жанры, как исповедь, житие...

Также писатель обладал дифференцированным чувством античной мениппеи - универсального жанра последних вопросов. Действие в ней не только «здесь» и «теперь», а - во всем мире и вечности: на земле, в преисподней и на небе. У нашего автора мениппея сближается с мистерией. Герои действия - на пороге жизни и смерти, лжи и правды, ума и безумия. И даны они как голоса, звучащие, выступающие «перед землей и небом». «Фантастический рассказ» позднего Достоевского - «Бобок» (1873) по глубине и смелости - величайшая мениппея во всей мировой литературе (почти микрокосм всего творчества). Очень многие идеи, темы и образы творчества проявляются здесь в предельно острой и обнаженной форме: идея о том, что «всё позволено», если нет бога и бессмертия души; связанная с этим тема исповеди без покаяния и «бесстыдной правды», проходящая через творчество, начиная с «Записок из подполья»; тема последних моментов сознания (связанная в других произведениях с темами самоубийства и смертной казни); тема сознания, находящегося на грани безумия; тема сладострастия, проникшего в высшие формы сознания и мысли; тема сплошной «неуместности» и «неблагообразия» жизни, оторванной от

народных корней и народной веры, - все темы и идеи в сгущенной и обнажённой форме вмещены в рамки произведения. Характерен образ рассказчика и тон рассказа. На пороге сумасшествия (белой горячки) находится «одно лицо» - рассказчик. Но и помимо этого он - человек не как все, то есть уклонившийся от нормы, выпавший из жизненной колеи, всеми презираемый и всех презирающий. Перед нами - новая разновидность «человека из подполья». А жанр выдержан с глубокой целостностью, раскрывает лучшие возможности, реализует свой максимум. В произведении этих мениппея живёт в возрождениях и обновлениях, в оригинальных проявлениях. Ведь Достоевский не писал пародии на жанр, а использовал всё по прямому назначению. Следует заметить, что мениппея всегда – в том числе и античная – в какой-то мере пародирует себя саму. Это - жанровый признак (элемент самопародирования – причина необычной её живучести).

Проследим за образами жанра в других творениях автора: в «Преступлении и наказании» - знаменитая сцена первого посещения Сони Раскольниковым (с чтением Евангелия), сны Раскольникова, а также и сон Свидригайлова перед самоубийством; в «Идиоте» - исповедь Ипполита, кончающаяся попыткой самоубийства; в «Братьях Карамазовых» - беседа Ивана и Алеши в трактире на торговой площади захолустного городка...

Писатель также владел карнавальным жанром (античного происхождения). Известно, что карнавальное мироощущение обладает могучей животворной преобразующей силой и неистребимой живучестью. Поэтому даже в наше время жанры, которые имеют хотя бы отдаленную связь с традициями серьёзно-смехового, сохраняют в себе карнавальную закваску, резко выделяющую их из среды жанров. В творчестве Достоевского он тоже возрождается по-новому: по-своему осмысливается, сочетается с другими творческими моментами, служит особым художественным целям. Образы карнавала двуедины (объединяют оба полюса смены и кризиса: рождение и смерть, благословение и проклятие, хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, лицо и зад, глупость и мудрость). Люди на миг оказываются вне

обычных условий жизни, как на карнавальной площади или в преисподней, и тогда раскрывается более подлинный смысл их самих и отношений друг к другу. Карнавализация – это не внешняя и неподвижная схема, которая накладывается на готовое содержание, а – необычайно гибкая форма художественного видения, своего рода эвристический принцип, позволяющий открывать невиданное. Таковы сцены: на именинах Настасьи Филипповны («Идиот»); скандалов и развенчаний на поминках Мармеладова («Преступление и наказание»); в светской гостиной Варвары Петровны Став-рогиной («Бесы»); скандала в келье старца Зосимы («Братья Карамазовы»). В «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (1863) автор вспоминает яркое ощущение, пережитое в период начала художественной жизни. Произведение «Дядюшкин сон» отличается резко выраженной, но упрощенной внешней карнавализацией. В центре – скандал (катастрофа) с двойным развенчанием – Москалевой и князя. А в рамках романа «Идиот» всё проявляется с наглядностью внешней и внутренней глубиной этого мироощущения. В центре – образ князя Мышкина («идиота»).

Коснемся еще вопроса карнавальной природы – пародии. «Мир наизнанку» – развенчивающее создание двойников, которые стали довольно частым явлением. У автора это выражено ярко – почти каждый герой имеет несколько двойников: для Раскольникова – Свидригайлов; для Лужина – Лебезятников; для Карамазова – Смердяков... В каждом герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над собой).

Произведения Ф.М. Достоевского – это слово о слове, обращенное к слову (на одном уровне и равных правах). Они проникают друг в друга, накладываются под разными диалогическими углами. Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно – основная особенность поэтики Фёдора Михайловича. Своеобразие не в том, что писатель монологически провозглашал ценность личности (это делали до него и другие), а в том, что

он умел её объективно – художественно увидеть и показывать как другую, чужую личность, не делая её лирической, не сливая с ней своего голоса и, в то же время, не низводя её до опрочечивой психической действительности.

Достоевский – автор подлинной полифонии. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения. Поэтому его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли наблюдать.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского/М.Бахтин.- М.:Искусство, 1979.
2. Гроссман, Л. Достоевский/Л.Гроссман.-М.:Искусство, 1962.
3. Мейер-Грефе, Ю. Достоевский/Пер. с нем.- Берлин. «Ай Кью», 1987.
4. Энгельгард, Б. Идеологический роман Достоевского/Б.Энгельгардт.- М.:Прогресс, 1979.